

Литература

1. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
2. Арсентьева, Ю. С. Словари эвфемизмов: общие принципы составления и представленность в них фразеологического фонда английского и русского языков / Е. Ф. Арсентьева, Ю. С. Арсентьева // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 2010. – Т. 152. Сер.: Гуманитарные науки. – Кн. 6. – С. 61–69.
3. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М., 2009.
4. Берков, В. П. Двухязычная лексикография / В. П. Берков. – М., 2004.
5. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография / В. Д. Девкин. – М., 2005.
6. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс / Е. П. Сеничкина. – М., 2006.
7. Deutsches Universalwörterbuch. 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Dudenverlag. – Mannheim, Zürich, 2011.
8. Holder, R. W. A dictionary of euphemisms. How not to say what you mean / R. W. Holder. – Oxford, 2008.
9. Luchtenberg, S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache / S. Luchtenberg. – Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 834. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1985.
10. Ludwig, K-D. Nicht-denotative Informationen lexikalischer Einheiten als Wörterbucheinträge / K-D. Ludwig // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1986. – S. 182–194.
11. Oxford Dictionary of English / Edited by Angus Stevenson, third edition. – Oxford University Press, 2010.

УДК 801.3

Э. А. Салихова

Уфимский государственный авиационный технический университет

ОТОБРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ И МУСУЛЬМАН БАШКОРТОСТАНА

В статье предпринята попытка описать особенности функционирования религиозного компонента значения слова в языковом сознании представителей христианской (православной) и исламской (мусульманской) религий, представленных в Республике Башкортостан (РБ). Автор предлагаемого вниманию материала представляет описание религиозного компонента значения слова с опорой на данные психолингвистического эксперимента, а также с использованием результатов социологических опросов и переписей, характеризует тенденции религиозной идентификации личности в поликонфессиональных условиях республики.

Картина мира, конфессиональная идентичность, религиозная идентификация, религиозное знание/познание, религиозное значение, религиозный компонент, языковое сознание.

The paper describes functioning of a religious component in the word semantics represented in the linguistic consciousness of people belonging to Christian (Orthodox) and Islamic (Muslim) churches in the Republic of Bashkortostan. The author presents description of religious component in the word meaning based on the data of a psycholinguistic experiment; she also characterizes the tendencies of religious personal identity observed in multiconfessional situations of the republic using the results of sociological polls and population census.

World view, confessional identity, religious identification, religious knowledge/cognition, religious component, linguistic consciousness.

Введение.

Постперестроечный этап российского национального строительства сопровождался возникновением методов и форм интеграции мусульман и православных в общество на основе сохранения их религиозной идентичности. Интернациональная культура советского периода стимулировала у представляющих доминанту национального состава республики – русских, башкир и татар – национально-патриотические и культуросберегающие идеалы и ценности, усилив процессы этнической мобилизации, характерной особенностью которых стало так называемое «исламское возрождение» периода 90-х гг. XX века [15, с. 74].

Целью исследования является описание религиозного компонента картины мира православных и

мусульман в республике. Язык и религия, представляющие собой два разных образа мира, имеют в своей структуре разное содержание (знание о мире) как по объему и характеру информации, составляющей это знание, так и по его роли и месту в структуре общественного сознания [8]. Язык и религия являются способами формирования и существования знаний, а «совокупность этих знаний о действительности, сформировавшаяся в общем (индивидуальном, групповом) сознании» представляет собой картину мира [13, с. 72]. В индивидуальной картине мира каждой отдельной личности будет присутствовать что-то уникальное для данного индивидуума.

Результаты ассоциативных экспериментов позволяют реконструировать специфику актуализации психологического значения слова в языковом созна-

нии индивида. Перспективен такой подход и в изучении ассоциаций для установления религиозной картины мира, при котором языковое членение мира соотносится с типологией ассоциативных полей и структурой ассоциативно-вербальной сети в целом [6]. Логически верным описанием картины мира религиозного человека представляется следующая последовательность: религиозное учение – картина мира верующего – языковая картина мира верующего – речевая реализация [9, с. 97–98].

В предлагаемом вниманию материале предпринята попытка экспериментальными методами показать взаимовлияние религиозной и языковой картин мира путем выявления и частичного описания религиозного значения слова, которое определяется нами как содержание лексемы, отображающее в индивидуальном сознании и закрепляющее в нем мистические представления, основанные на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов).

Основная часть.

О сохранности у современных мусульман и православных Башкортостана исламской и христианской идентичностей можно судить по уровню их религиозной культуры. В современной РБ «асимметрия репрезентативности культур» выражена в преобладании светской культуры, присутствующей в сознании человека как первичное выражение социального знания. Религиозная культура выступает в качестве «социокультурной переменной» и формируется вследствие осознанного волевого личностного выбора в более или менее зрелом возрасте [15, с. 75]. Точное количество мусульман и православных в современном Башкортостане неизвестно из-за отсутствия данных о религиозности населения в последних всероссийских переписях (2002, 2010), но социологи придерживаются мнения о том, что отражение этнического состава РБ в переписных материалах [11] дает возможность теоретически «задать» верхнюю планку численности приверженцев исламской и христианской веры, исходя из того, что религиозным предпочтением башкир и татар республики является мусульманство, большинства русских – православие.

Как сакральная основа культурной традиции религия выступает одним из элементов этнической идентичности. При ответе на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» наиболее популярными ответами для башкир, татар и русских РБ стали «язык» (72,2, 66,4 и 65,5 % соответственно), «родная земля, территория, природа» (65,3, 60 и 56,5 %) и «культура» (55,9, 51,6 и 43,5 %) (см. табл. 1). «Религию» как характеристику этнической принадлежности называют 1/3 респондентов доминантных в РБ национальностей, и практически столько же голосов получают «обычаи, обряды» (55,9, 46,45 и 37,1 %) и «историческое прошлое» (42,4, 34 и 37,4 %):

Масштабные социолингвистические исследования, проведенные после 90-х гг. XX века (например, [3]), данные всероссийской переписи 2010 г. (ВПН-2010), а также организованного нами в 2012–2013 гг.

анкетирования и психолингвистических экспериментов среди студенческой молодежи светских и религиозных учебных учреждений республики выявляют совершенно новую ситуацию в религиозной сфере (см. подробнее: [9], [10], [14], [18]. В столицах 16 республик РФ 58 % молодежи автохтонных (титульных) национальностей и 57 % русской молодежи признали себя верующими, при этом для части из них религия стала нормой поведения (по данным М. Н. Губогло). Среди нынешней молодежи, независимо от ее национальной принадлежности, почти нет атеистов.

Таблица 1

Критерии этнической принадлежности для русских, башкир и татар Башкортостана (% от опрошенных) [15, с. 89]

Критерии	Русские	Башкиры	Татары
Язык	65,5	72,2	66,4
Культура	43,5	55,9	51,6
Обычаи, обряды	37,1	55,9	46,4
Родная земля, территория, природа	56,5	65,3	60,0
Черты характера	18,0	18,1	25,2
Религия	32,2	37,8	35,6
Историческое прошлое	37,4	42,4	34,0
Общая государственность	36,2	36,8	35,2
Внешний облик	15,7	16,7	14,4

Исследования, проведенные в Башкортостане в 2011 г. Институтом социально-политических и правовых исследований РБ совместно с Институтом социологии РАН, определяют религиозную картину в республике таким образом: 52,2 % из числа опрошенных назвали себя мусульманами, 39,5 % – православными, остальные 8,3 % не определились с религиозной идентичностью. Мусульман и православных примерно равное количество в Уфе (44,5 и 43,4 %), в других городах РБ (45,7 и 46,8 %), но мусульман вдвое больше среди жителей села – 63,4 % против 30,1 % – православных [18, с. 176].

Вместе с тем, не все башкиры и татары республики относят себя к мусульманам. Согласно данным ВПН-2010 считают своей религией ислам 92,4 % опрошенных башкир и 86,7 % – татар. Жители села составляют внутри выборки, относящих себя к мусульманам – 46,8 %, живут в Уфе – 21,9 % и в других городах РБ – 31,3 %. Среди исламоориентированных респондентов женщины составили 53 %, мужчины – 51 %, 16,2 % из них имеют высшее образование, 9,7 % – незаконченное высшее. Среди них преобладают люди, получившие диплом о среднем специальном образовании, – 52,2 %, а также имеется значительное количество имеющих среднее образование – 21,9 %. По возрастным группам опрошенные мусульмане распределены довольно равномерно: в диапазоне от 23,5 % в возрастной группе 45–54 лет до 8,7 % в возрастной группе 65 лет и старше [15, с. 77].

Социологический подход к эмпирическому изучению религиозности рассматривает это понятие как целостную систему, которую следует оценивать путем выделения нескольких осей анализа. Например, Ч. Глок выделяет такие признаки, как принятие и содержание религиозных верований, обрядовая составляющая, личные религиозные переживания, знания о вере и вероучении, проявления веры в повседневной жизни и т. п. [2] Оценивая положительное значение религии для морально-нравственного самочувствия, большинство респондентов-мусульман (60,8 % башкир и 70,8 % татар) имело в виду религию в широком смысле слова: как одну из форм общественного сознания. Религия является заметным фактором этнической идентификации, а общая вера может стать символом групповой солидарности. По данным опроса 2011 г., сильное чувство религиозной групповой солидарности разделяют более 40 % русских и татар Башкортостана (45,5 и 42,4 % соответственно) и 52,3 % башкир республики (при ответе на вопрос «О ком Вы можете сказать “это – мы”»?) [15, с. 89]. Опрошенные мусульмане высоко оценивают и роль православия: положительно – 36,8 % башкир и 44,3 % татар. Из отрицательных ответов можно выделить лишь отношение к язычеству: 15,6 % башкир и 13,8 % татар негативно высказались об этом виде религиозного сознания. Данные опроса показывают не только высокий уровень терпимости мусульман республики к людям другой религиозной культуры, но и отражают «процесс секуляризации, подчинивший своим законам мировоззренческие установки конфессиональной личности» [17, с. 178].

Мировоззренческая конфессиональная идентичность предполагает безусловную «крепость в вере» и веру в существовании Бога, которые могут быть

сформированы не у всех обладающих этноконфессиональной идентичностью и охватывают меньше половины последних – 42 % в общероссийском масштабе, 42,4–48,3 % в республиканском башкирском [15, с. 90] (см. табл. 2).

Обращает на себя внимание тот факт, что в различных этноконфессиональных группах доля людей с сформировавшейся мировоззренческой идентичностью практически одинакова.

На вопрос «Верите ли Вы в Бога?» 61 (или 64 %) из 95 анкетированных в 2012 г. студентов I–II курсов технических специальностей Уфимского государственного авиационного технического университета и IV курса русского и башкирско-русского отделений филологического факультета Нефтекамского филиала Башгосуниверситета ответили утвердительно, 1 (0,01 %) – отрицательно, 13 (14 %) – допускают его существование, 16 (17 %) – скорее верят, чем нет, 2 (0,02 %) – наоборот, скорее не верят, и 2 засомневались. При этом 6 респондентов ни разу не посещали церковь, мечеть и т. п., 27 – посещают, но редко, 13 – были всего один раз, 2 – не были ни разу и не собираются, 5 – ходят туда каждый религиозный праздник, 1 отказался отвечать, и всего 2 участника посещают минимум раз в месяц. 64 студента (67 %) относят себя к исламской религии, 26 (27 %) – к христианству, 2 – оказались язычниками и 3 – атеистами. 43 из 95 студентов отнесли себя к татарам, 20 – к башкирам, 21 – к русским, по одному – к мари, марийцам, эстонцам и удмуртам, один студент не определился и идентифицировал себя и с башкирами и с русскими; 6 участников отказались причислить себя к какой-либо национальности [9, с. 99]. Соотношение ответов информантов с их анкетными данными

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Какое из перечисленных высказываний точнее всего отражает Ваше представление о существовании Бога?»
 (сравнительные данные исследования в РБ и общероссийского опроса, в % от числа назвавших себя (N) православными и мусульманами) [12, с. 139–141], [16, с. 90–91]

Варианты ответов	Среди православных-русских РБ-2011 г. (N=290)	Среди мусульман-башкир РБ-2011 г. (N=265)	Среди мусульман-татар РБ-2011 г. (N=207)	В целом среди православных РФ-2009 г. (N=1600)
Я не верю в существование Бога	2,4	1,5	2,4	1
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании	6,2	3,4	3,9	6
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу	13,4	11,3	13,0	8
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю	12,4	10,9	11,1	13
Я верю в существование Бога, хотя иногда я испытываю сомнения	21,7	20,6	26,1	25
Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений	42,4	48,3	40,1	42
Затрудняюсь ответить	1,7	3,5	3,3	4

позволяет выявить тенденцию к относительной корреляции принадлежности к той и или иной религиозной группе с национальной идентификацией верующего. Опросы обнаруживают, что процессы становления этноконфессиональной идентичности опережают темпы формирования конфессиональной идентичности как мировоззренческой. Респондентов, идентифицирующих себя с той или иной религиозной традицией, – верующих – заметно больше, чем практикующих верующих – религиозных, готовых соблюдать предписанные конфессией нормы и правила поведения – как внешнего, так и внутреннего (духовно-нравственного) свойства [18, с. 90]. Попутно отметим условность сравнения религиозности двух рассматриваемых конфессий в силу их разных требований к религиозному поведению (ср., например, различные предписания мусульманства и православия к молитве: так, совершение намаза предполагает большую самодисциплину, чем менее формальная православная молитва, хотя нерегламентированное, спонтанное обращение к Богу присутствует в обеих религиях и пр. [4, с. 64–65]).

Исследование процессов становления мусульманской и православной идентичностей с учетом специфических условий РБ важно для оценки состояния межнациональных отношений. Вместе с тем, религия выступает и стабилизирующим фактором, способным поддерживать консенсус в обществе и формировать установки межнациональной и межконфессиональной толерантности. Социо- и психолингвистические исследования, посвященные вопросам связи языка, этноса и религии подводят к мысли о значительной вариативности смыслов, актуализируемых при восприятии знаков языка и культуры, традиционно обслуживающих сферу религии, при наличии общей тенденции к смещению символического сакрального компонента значения от центра к периферии. Поскольку интерпретация содержания того или иного значения слова (шире – знака) происходит на основе его сформированной концептуальной системы, которая необходимо включает общекультурный инвариант, целесообразно обратиться к вопросу об общекультурных детерминантах воспроизводимого личностного смысла. Он закрепляется в памяти человека как одна из ассоциаций, которая впоследствии может стать основанием для мотива другой деятельности и обеспечивает выход говорящего или слушающего за пределы непосредственно сообщаемой и воспринимаемой информации; его можно определить как «мотивационно обусловленный способ присвоения психологического значения» [13, с. 57].

Язык является основным способом формирования и существования знаний (в т. ч. религиозных) человека, а одна из основных его единиц – слово – предстает средством доступа к многообразным знаниям человека, имеет выраженное в нем значение, которое, преломляясь сквозь индивидуальное видение, «дает возможность высветить в индивидуальной картине мира некоторый фрагмент, идентифицируемый на разных уровнях осознанности как целостная, более или менее обобщенная или специфическая ситуация, с ее необходимыми составляющими, обу-

словливающими актуализацию выводных знаний» [5, с. 96]. Значение религиозных слов (ЗС) является ключом для понимания их функции в формировании религиозных взглядов и поведения человека. В силу социальной неоднородности, психологическое (ассоциативное) значение принципиально не может быть единым для всех членов социума. Слово и ассоциируемые с ним компоненты чувственных групп подвергаются неосознаваемым процессам анализа, синтеза и сравнения или классификации, взаимодействуя при этом с продуктами воспринятых ранее впечатлений. Вербальные ассоциации рассматриваются как формы языковой фиксации человеческих знаний, в том числе религиозных. В трактовке психологического ЗС придерживаемся его понимания как «внутренней формы» слова, вызывающей на психовербальном уровне в сознании представителей определенной национально-культурной и / или религиозной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду признаков (внутренним – перцептивного когнитивного, аффективного характера и внешним – вербальным, ситуативным), как способности к образованию «ментальных структур, интегрирующих опыт ассоциирования с определенной реальией» [13, с. 8, 56].

«Внутренняя форма слова ... входит в коннотацию», которая в широком смысле «дополняет предметно-понятийное, а также грамматическое значение языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с *эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием* говорящих на данном языке»; в узком смысле – «компонент значения, ... выступающий во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение *ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реальности...*» (выделено авт. – Э. С.) [1, с. 85–86, 236, 464–467]. По поводу роли, статуса и структуры коннотативного компонента в научной литературе идут дискуссии: одни полагают, что коннотация – это семантическая сущность, выражающая эмотивно-оценочное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает экспрессивный эффект на основе этой информации (В. Н Телия, В. И Шаховский и др.); другие отмечают, что коннотативные элементы «не включаются в знаковое значение словесных знаков, а порождаются специфическими условиями их использования в речевых актах» [15, с. 96]; третьи в качестве элементов коннотации рассматривают оценочный, эмотивный, эмоциональный, экспрессивный, ассоциативный, образный и стилистический [7, с. 132].

Полагая, что ассоциативно-образные и эмоционально-экспрессивные элементы, выявленные в ходе анализа результатов свободного ассоциативного эксперимента (АЭ) по описанию религиозного значения слова, составляют коннотативную часть психологического ЗС, обратимся к представлению отдельных фрагментов полученного материала от 100 испытуемых (и.и.) – студентов очного отделения Российского Исламского Университета ЦДУМ России и учащихся

ся заочного отделения мечети-медресе «Ляля-Тюльпан» (г. Уфа) и 75 учащихся богословских курсов Уфимской Епархии [9], [10].

В качестве материала АЭ были использованы специально отобранные для заявленной цели 17 слов-стимулов (S), семь из которых были связаны с религиозной тематикой: ГРЕШНЫЙ, БОГ, РЕЛИГИЯ, СВЯТОЙ, МОЛИТЬСЯ, ХРАМ и ВЕРА, остальные – ДАВАТЬ, ПРАЗДНИК, ЧИТАТЬ, ЛЮБОВЬ, ДРЕВНИЙ, НАУКА, КНИГА, НЕЗЕМНОЙ, ГРЯЗНЫЙ, ДУША – использовались для ослабления степени смысловой интерференции при восприятии слов ии., для чего семантические объединения слов расчленились и лексемы располагались разрозненно друг от друга. Язык ответа в эксперименте не ограничивался. Наибольшую сложность для анализа представляют единицы, принадлежащие к абстрактным и духовным концептам, потому как их сущность расплывчата и субъективна по своему характеру, толковые словари фиксируют самые общие их признаки, а носители языка владеют ими бессознательно [Цит. по: 10, с. 243].

Сформированные ассоциативные поля (АП) исходных слов по совокупности полученных ответов (R) представляют интерес не только с точки зрения анализа лексико-семантического и образного наполнения, но и специфики варьирования значения слова в индивидуальном сознании ии., преломления религиозного знания в единичных ассоциатах и тематически связанных группах элементов. Так, в АП S-ВЕРА в группе представителей мусульманской конфессии самыми распространенными ответами стали – *в Бога* (12 %), *ислам* (10 %) и *мусульмане* (5 %). По 4 % опрошенных написали *в Аллаха*; *в Аллаха Всевышнего*; а 3 % ии. ответили *Аллах*. Среди единичных ответов, демонстрирующих религиозное знание, выявлены: *в Аллаха одного*; *Аллах единый*; *Аллаху верить*; *любовь к Аллаху*; *в Единобожие*; *религия*; *мусульманин*; *служение Всевышнему*; *Всевышнему*; *во Всевышнего*.

У представителей православного вероисповедания самой распространенной реакцией стала *Надежда* (12 %), затем следуют ассоциаты *в Бога* (10 %), *Надежда Любовь* (8 %), *православная* (5 %) и *Христианство* (3 %). Среди единичных ответов, содержащих в себе религиозный компонент, были зафиксированы: *вера в Бога желает лучшего*; *душа, улетающая к Богу*; *Господь*; *Служение*; *Религия во Христе*; *Бог*; *Православие*; *Иконостас*; *во имя Отца и Сына и Святого Духа*; *человека в Бога*; *истина Божественная*; *православие Христова*; *счастье во Христе*; *Христианская*; и *Божественность*.

Подобные сравнения должны иметь своей целью не только установление религиозной специфики речевого поведения контактирующих индивидов и конфессиональных групп, но и объяснение оснований для взаимопонимания и для расхождений при межрелигиозном общении. Способы и формы последнего могут быть выявлены при детальном рассмотрении роли признаков в процессах идентификации значения воспринимаемого слова. В данном случае важно проследить, как в зависимости от иденти-

фицируемого признака одно и то же слово может «выводить» на различные «схемы знаний», а при наличии общих схем знаний в условиях межрелигиозных контактов – на специфическое заполнение тех или иных слотов образами типичных для каждой религиозной культуры носителей признаков в сочетании с соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями.

Несмотря на наличие у представителей рассмотренных конфессий общих схем религиозного знания как некоего «универсального» фундамента, цементирующего веру в Бога и соблюдение основных принципов религиозного учения, четко прослеживаются особенности образов для каждой религиозной культуры с учетом эмоционально-оценочных переживаний и предшествующего опыта (*Аллах, православие Христово* и т. п.). Специфика внутреннего контекста употребления единицы формируется в результате воздействия религиозной культуры и проявляется на формально-структурном и содержательном уровнях.

На формально-структурном уровне религиозная специфика выражается в изменении внутреннего контекста идентификации стимула через нарушение соотношения религиозного и нерелигиозного компонентов, что приводит к модификации значения S. В результате данный S или утрачивает способность служить адекватным средством апелляции к религиозному знанию как составляющей сознания индивида (*имя девушки*; *красивое имя*; *Надежда и Любовь*), или, напротив, приобретает содержательную специфику, которая заключается в выделении и фиксации наиболее культурно релевантных признаков S, обуславливая их первоочередную актуализацию в процессе смыслоформирования и, соответственно, различную локализацию смыслов в концептуальной системе носителей разных религиозных культур (*в Единобожие*; *служение Всевышнему*; *душа, улетающая к Богу*; *во имя Отца и Сына и Святого Духа*; *человека в Бога*; *истина Божественная*; *православие Христова*; *счастье во Христе*; *Божественность*).

Варьирование религиозного знания и его влияние на ЗС можно проследить на примере АП стимулов, которые были избраны для «вуалирования» ассоциатов религиозной тематики. Так, на S-КНИГА, актуализаторами религиозного значения стали *Коран* (8 %); *Кур'ан* (4 %); *Священный Коран* и *Священные Писания* (3 %). Среди единичных R с религиозным компонентом были выявлены: *хадис*; *хадисы*; *о хадисах*; *религиозная*; *какая-нибудь религиозная*; *о намазе*; *Завет*; *Писание*; *про Исламской религии*. В разноразличных ответах ии.-башкир и татар представлены: *Кор'эн*; *Кур'эн*; *Курган* (транслитерация с арабского слова «куран» посредством горлового звука «айн»); *хороший Кур'ан*. Орфография участников эксперимента сохранена.

Среди представителей христианской конфессии большинство ии. дали ответ – *Библия* (15 %) наряду с *Евангелие* (7 %); *Писание* (3 %). Среди единичных ассоциатов представлены: *Псалтырь*; *православная*; *Священное Писание*. Примеры свидетельствуют о том, что, идентифицируя исходный полисемантич-

ный *S*, испытуемые, как правило, не обращают внимание на его многозначность, выбирая лишь одно из возможных значений, пытаясь конкретизировать для себя, что в его опыте лежит за ним, открывая, тем самым, доступ к индивидуальной религиозной картине мира.

Подтверждается предположение о наличии в религиозной культуре и, соответственно, сознании ее носителей, отдельной сферы ценностей как идеального во всех отношениях (подробнее: [14, с. 128–130]). Теоретическим обоснованием такого посыла послужило представление о том, что языковой контекст способен более полно отражать тот фрагмент концептуальной системы индивида, который актуализируется при восприятии им исходного *S*. Появляется возможность установления потенциальной возможности актуализации некоего сакрального смыслового содержания через выявление принципиальной связи в сознании ии. между *S* и соответствующей *R*. Отмечается достаточно высокий процент указания на *Священное Писание / Коран* и преимущественная актуализация ЗС «книга», что, вероятно, свидетельствует о большей устойчивости связи в биноме *S–R*. Наличие таких *R* в группе носителей религиозной культуры может быть интерпретировано как проявление функциональности религиозного знания, обеспечиваемого преломлением знания через свой образ мира и формированием смысла «для общества».

Самым распространенным ответом на S-ПРАЗДНИК стал *Курбан Байрам* (18 %), *веселый* (2 %). Большинство опрошенных по данным РАС [6, Т. 1, с. 128–129] ассоциировали его только с *веселым* (9 %). Актуализаторами религиозного значения стали *Рамазан* (4 %), *пятница* (4 %; как известно, у мусульман пятница является священным днем и праздником), *религиозное* (3 %), *Ураза* и *мусульман* (2 %). В РАС содержится только одна подобная реакция с религиозным компонентом – *святой* (0,1 %).

Обратимся к содержанию АП S-МОЛИТЬСЯ, рассмотрение которого в рамках темы не случайно, поскольку по религиозным аксиологическим представлениям, молитва – это духовное общение человека с Богом, которое низводит в душу Божественную благодать, оживляет ее духовной жизнью. ЗС восходит к общеславянскому «просить», «сообщать», «умягчать»: человек волен просить дать ему хлеба духовного, без которого нет достойной человеческой жизни, простить все, что делает по своей гордыне, не подвергать суровому испытанию. По предписаниям в молитве не должны звучать слова корысти, ненависти и обиды. Наряду с призыванием в молитвах Господа православные могут обращаться за помощью к святым Божиим угодникам, что своими добродетелями или страданиями угодили Богу, и он наделил святых дарами врачевания, помощи в житейских нуждах и другими.

В АП зафиксировано наличие ответов ии., отражающих разные способы восприятия, осознания и реагирования на *S*: так, *R* *плакать, желать, рассла, небо, слезы, чиститься, причищаться* (от причаститься / причащаться), *надо, отдыхать* возможно

классифицировать по разным основаниям для их связи с исходной словоформой. Были выявлены общие характеристики вербального ассоциирования представителями мусульманской и православной групп. Испытуемые ассоциируют действие, заключенное в значении *S*, с собой, при этом обращаются к *Всевышнему, стоя на коленях, чтобы поблагодарить или попросить за родных и близких, делая это искренне и усердно*. Разброс же *R* ии., определивших себя как «верующие», был несколько шире и разнообразнее. Выделена группа ответов «Другие субъекты, выполняющие действие»: *Муллы; бабушка; женщина; те люди, которые просят у Бога помощи* – дополняют *R* со значением «Активных субъектов действия», при этом отмечается, что причин на совершение молитвы, по мнению ии., становится гораздо больше – *просить, надеяться, для улучшения жизни* и пр. Ассоциации данной группы ии. свидетельствуют о некотором «потребительском», прагматичном отношении к Богу только как к источнику исполнения желаний, к тому же среди *R* не было обнаружено ни одной реакции, сопрягаемой с «восхвалением» Всевышнего.

Среди ассоциатов наличествуют и *R* с отрицательным коннотативом – *принуждение, психоанализ, подчиняться*, обусловленные, по нашему убеждению, не только возрастом опрашиваемых студентов, сколько отсутствием у некоторых из них сознательного приятия религии как составляющей жизни, собственного выбора. Этим и отличаются разграниченные нами «религиозные» и «верующие» респонденты: к первой группе были причислены ии., которые не просто *верят* в существование Бога, но и строго выполняют требования Священных Писаний, Корана, придерживаются религиозных канонов. Верующие в широком толковании этого слова – люди, которые верят не столько в Бога, сколько в Высший разум, который им представляется по-разному: в божественном облике, как справедливость, высший суд, высшее сознание, коллективный разум и пр. Сопоставительный анализ полученных от религиозных и верующих людей *R* показал, что МОЛИТЬСЯ в их языковом сознании закреплен за такими устойчивыми *R*, как *за родных; за лучшее; о помощи; в трудных ситуациях; для улучшения жизни; когда не уверен – молись* и пр., при этом внушающие *успокоение; очищение; спокойствие* и совершаемые конкретными субъектами – *муллой, бабушкой* и др. Стабильность этих *R* обеспечивается их привязкой к одним из базовых ценностей в жизни человека – семье, благу, вере в лучшее.

В ходе анализа данных были определены некоторые общие закономерности, характеризующие лексикон «религиозного» и «верующего» человека и их религиозную картину мира. На вариативность в ассоциативном поведении ии. оказывают влияние многие факторы экстралингвистического характера (возраст, уровень образования, сознательный выбор религиозного пути в жизни, личностные предпочтения и оценки) и внутриязыкового (особенности лексического воплощения концептосферы исходных слов и сопряженных с ней восприятия, понимания, осозна-

ния отдельных составляющих). Ядро языкового сознания религиозного и верующего человека составляют *R*, входящие в группу «Адресат действия» (*Богу, Аллаху, Всевышнему*), периферийная же зона проявляется как в типовых (*Аллаху, Иисусу Христу, икона*), так и в уникальных ассоциациях (*звуки, слезы, таинство*).

Сопоставительный срез полученных ответов показал более высокую степень реализации сакрального аспекта религиозного значения носителями мусульманской религиозной культуры и большую актуальность нерелигиозных смыслов для представителей православной культуры. Для носителей религиозной культуры в целом характерно более «переживаемое» восприятие исходных слов с активацией фрагментов концептуальной системы, объективируемых ЗС стимулов, а также относительно сепаратное существование в сознании участников экспериментов сакрального и земного сфер.

Выводы.

В современных условиях РБ религиозная идентичность православных и мусульман складывается как этноконфессиональная по происхождению и традиционно-культурная по содержанию. Высокие показатели их взаимного доверия показывают, что в республике укоренились толерантные отношения основных контактирующих этноконфессиональных групп, которые характеризуют РБ как регион единого «евразийского конфессионального поля», основывающегося на близких духовных традициях поволжских мусульман и православных. Тем не менее, современный башкортостанский ислам остается миноритарным, поскольку не может не учитывать федеральный контекст. Этнические мусульмане – татары и башкиры – интегрированы в российский социум и в его поведенческие, социокультурные, социально-лингвистические, коммуникативные структуры. Огромную роль в этом играют и развитые в Урало-Поволжье традиции межэтнической и межконфессиональной терпимости.

Религиозное сознание индивидуализировано и разнообъемно у отдельных членов социума. За видимо общими религиозными прецедентами у представителей разных конфессий неизбежно стоит не тождественное содержание, отображающееся в языковом сознании с учетом национально-культурной специфики.

У каждого человека имеется набор «чувственно-безыменной информации» (термин С. Опара) – некоторые чувства, а также эстетические, болевые и соматические ощущения. Слова, относящиеся к «сверхъестественному» (Бог, дух, ангел), лишены ощущений. Полагаем, что в языковом сознании верующего происходит взаимодействие между безыменной чувственной сферой и лишенной ощущений сферой значений религиозных слов, осуществляющих сигматическую функцию языка через отнесение их к чувственно-безыменному материалу.

При выраженном инструментальном характере религиозного знания актуальными остаются коннотативные элементы ЗС. Идентификация *S* определяет

более глубокие различия в «локализации» структур, стоящих за ассоциатами в системе смысловых связей «жизненного мира» субъекта. Промежуточные итоги исследования показали, что многие духовные концепты (БОГ, ВЕРА) в мировоззрении религиозного и верующего человека имеют устойчивые ассоциативные связи, составляющие национально-культурную и религиозную специфику языкового сознания. Данные подтвердили, что в современном религиозном (православном и мусульманском) сознании сохраняются зафиксированные в виде устойчивых ассоциаций как вербализованной части концептов элементы традиционного мировоззрения, сосуществующие с религиозными ценностными представлениями.

Итак, каждая религия, как и язык, изображает действительность по-своему: религиозная картина мира эксплицируется при помощи языка, но, даже разговаривая на одном языке, представители разных вероисповеданий имеют различные языковые картины, потому как при общении опираются на «свои» культурные и религиозные ценности и стереотипы. В современном поликонфессиональном и полиэтничном Башкортостане рассматриваемые понятия находятся в отношениях пересечения или включенности одного в другое, поскольку представители тюркоязычного (башкиры, татары) или русскоязычного (русские) этноса могут выступать как носители национальной культуры и / или исламской / христианской религии, а би-/полилингвы или монолингвы в условиях многоязычия могут соотносить (но не обязательно!) себя с культурой и / или религией конкретного этноса, а чаще оставаться толерантными к такому атрибутам окружения.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998.
2. Глок, Ч. Индивид и его религия / Ч. Глок // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996.
3. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М., 2003.
4. Гузельбаева, Г. Я. Религиозные идентичности и практики православных и мусульман в модернизирующемся сообществе / Г. Я. Гузельбаева // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. – Казань, 2013. – С. 55–74.
5. Залевская, А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. – Тверь, 1992.
6. Караулов, Ю. Н. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / [Ю. Н. Караулов и др.]. Т. 1–6. – М., 1994–1998.
7. Кислицына, Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова / Н. Н. Кислицына // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. – Ч. 2. – С. 129–136.
8. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии / Н. Б. Мечковская. – М., 1998.
9. Мурсалимова, Ю. Р. Ассоциативное поле слова БОГ в русском языковом сознании / Ю. Р. Мурсалимова // Теоретические и прикладные науки и образования в XXI веке. – Тамбов, 2012. – С. 97–103.

10. Мурсалимова, Ю. Р. Концепт ВЕРА в языковой картине мира человека / Ю. Р. Мурсалимова // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа, 2012. – С. 242–246.
11. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический бюллетень. – Уфа, 2012.
12. Общественное мнение-2009. – М., 2009.
13. Салихова, Э. А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме / Э. А. Салихова. – Уфа, 2012.
14. Салихова, Э. А. Религиозное знание с точки зрения категорий «значение» и «знание» / «познание» / Э. А. Са-

- лихова, Ю. Р. Мурсалимова // Вестник ВЭГУ. Сер.: Филология. – 2013. – №2(64). – С. 125–130.
15. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. – М., 2012.
16. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М., 1986.
17. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. – М., 2007.
18. Salikhova, E. A. Special aspects of personal linguistic identity / E. A. Salikhova, Yu. R. Mursalimova // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – № 1(56). – С. 173–179.

УДК 811. 161.1: 821. 161.1

Е. А. Стрельцова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И. А. Сыров
Башкирский государственный университет*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МУЖЧИНЫ В ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ

Статья посвящена анализу языковой личности мужчины в текстах В. Токаревой. Характеристика языковой личности дана с учетом выделения трех групп мужских образов. За основу описания взята модель языковой личности, созданная Ю. Н. Карауловым.

Языковая личность, языковая личность персонажа, женская проза, интериоризованный дискурс, несобственно-прямая речь.

This article is devoted to the analysis of the language personality of a man in V. Tokareva's texts. Characteristic of the language personality is given taking into account the allocation of three groups of men's images. The model of the language personality created by Y.N.Karaulov was taken as the basis of the description.

Language personality, language personality of the character, women's prose, discourse, indirect discourse.

Введение.

В кругу проблем современной антропоцентрической лингвистики (неолингвистики) особое место занимает понятие «языковой личности». Наиболее полное и систематическое обоснование понятия «языковая личность» изложено в работах Ю. Н. Караулова и его последователей. Ю. Н. Караулов под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)...» [3, с. 39].

Для нашего исследования интерес будет представлять не языковая личность, как представитель некоего социума, а языковая личность персонажа художественного текста. Л. Н. Чурилина отмечает: «Поскольку единственной материальной субстанцией существования героя в тексте является язык, а точнее – слово, анализ организации лексического уровня художественного текста может дать ключ к описанию персонажа как модели языковой личности» [11, с. 14]. Учитывая этот факт, в работе мы будем опираться на точку зрения Ю. Н. Караулова, согласно которой представляется возможным подходить к языковой личности персонажа «как к реальному лицу» [3, с. 39].

При характеристике персонажей мы будем придерживаться модели языковой личности, созданной Ю. Н. Карауловым и состоящей из трех основных уровней: лексикон – тезаурус – прагматикон (отметим при этом, что «на практике ... взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются, теряют ту четкость, которая присуща им в теоретических построениях» [3, с. 238]).

Основная часть.

С точки зрения особенностей текстовой реализации языковой личности, по мнению ряда исследователей (М. В. Рабжаева, И. Г. Зумбулидзе, О. Гаврилина), авторы-женщины создали особый художественный мир со свойственными ему образами и характеристиками. Говоря о текстах В. Токаревой, сложно выделить один, типичный для большинства произведений образ мужчины. На наш взгляд, в произведениях В. Токаревой четко прослеживается 3 мужских образа и, соответственно, 3 типа языковой личности мужчин. Взяв за основу языковые характеристики (наиболее часто используемые виды речевой деятельности, степень владения компонентами различных уровней языка, количественный и качественный